

Арктика и Север. 2025. № 58. С. 177–199.

Научная статья

УДК 314.15(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.177>

Убывающие города российской Арктики: публичный дискурс воркутинцев об идентичности места и о причинах оттока населения

Недосека Елена Владимировна^{1✉}, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник

Шарова Екатерина Николаевна², кандидат социологических наук

Лизова Вероника Андреевна³, студент

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического института РАН, ул. 7-ая Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, Россия

^{1,2} Мурманский арктический университет, ул. Егорова, 15, Мурманск, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Галерная, 58-60, Санкт-Петербург, Россия

¹ nedelena@socinst.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

² kateshar1@ya.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

³ veronica.lizova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6166-3692>

Аннотация. Целью статьи является определение наиболее значимых причин сокращения численности населения в регионах российской Арктики. Объектом данного исследования выступают городские сообщества Воркуты, представленные в социальных сетях. В качестве теоретической рамки осмысления проблемы был избран концепт убывающего города, получивший разнообразные трактовки как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе, и концепт идентичности места. В тексте представлены теоретические подходы к определению убывающего города (shrinking city) и дано обоснование использования понятия идентичности места (place identity). Под убыванием городов понимается совокупный результат действия экономических и демографических факторов, обуславливающих сокращение численности населения, происходящее в форме естественной убыли и миграционного оттока. Методологическим основанием работы послужил метод качественного анализа текста. Основным методом анализа качественных данных был выбран метод анализа нарратива. На эмпирическом уровне проведён более детальный анализ субъективного восприятия городской среды и причин оттока населения из Воркуты, отражённых в публичном дискурсе участников онлайн-сообщества города в социальной сети «ВКонтакте». Исходная база анализа включала в себя посты и комментарии сообщества за 2022 г. (всего 9 032 поста и 19 1733 комментария), целевая выборка составила 64 поста и 366 комментария к ним. С помощью техник открытого и осевого кодирования содержательно были выявлены доминирующие субдискурсы в восприятии идентичности места и группы проблем городского развития, обуславливающих отток населения из города. Количественный анализ числа комментариев (под постами) и лайков (под комментариями) позволил определить наиболее значимые и устойчивые проблемы, которые, безусловно, представляют повышенный интерес для представителей муниципальной и региональной власти.

Ключевые слова: убывающие города, идентичность места, Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ), публичный дискурс, онлайн-сообщество

* © Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Лизова В.А., 2025

Для цитирования: Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Лизова В.А. Убывающие города российской Арктики: публичный дискурс воркутинцев об идентичности места и о причинах оттока населения // Арктика и Север. 2025. № 58. С. 177–199. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.177>

For citation: Nedoseka E.V., Sharova E.N., Lisova V.A. Shrinking Cities of the Russian Arctic: Public Discourse of Vorkuta Residents on the Place Identity and the Reasons for Population Outflow. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2025, no. 58, pp. 177–199. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.177>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 124041100097-9 «Социальное самочувствие и жизненные стратегии населения арктических территорий России».

Shrinking Cities of the Russian Arctic: Public Discourse of Vorkuta Residents on the Place Identity and the Reasons for Population Outflow

Elena V. Nedoseka^{1✉}, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Researcher

Ekaterina N. Sharova², Cand. Sci. (Soc.)

Veronika A. Lisova³, Student

¹ Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, ul. 7-ya Krasnoarmeyskaya, 25/14, Saint Petersburg, Russia

^{1,2} Murmansk Arctic University, ul. Kapitana Egorova, 15, Murmansk, Russia

³ Saint Petersburg State University, ul. Galernaya, 58-60, Saint Petersburg, Russia

¹ nedelena@socinst.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

² kateshar1@ya.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

³ veronica.lizova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6166-3692>

Abstract. The aim of the article is to identify the most significant causes of population decline in the regions of the Russian Arctic. The object of this study is the urban communities of Vorkuta, represented in social networks. The concept of the declining city, which has received various interpretations both in foreign and domestic scientific literature, and the concept of place identity have been chosen as the theoretical framework for comprehending the problem. The paper presents theoretical approaches to the definition of a shrinking city and provides a justification for the use of the concept of place identity. Shrinking cities are understood as the cumulative result of economic and demographic factors that cause population decline in the form of natural decline and migration outflow. The methodological basis of the work was the method of qualitative text analysis. The narrative analysis method was chosen as the main method of analyzing qualitative data. At the empirical level, a more detailed analysis of the subjective perception of the urban environment and the reasons for the population outflow from Vorkuta, reflected in the public discourse of the participants of the city's online community in the VKontakte social network, was carried out. The initial analysis base included community posts and comments for 2022 (a total of 9032 posts and 191733 comments), the target sample was 64 posts and 366 comments to them. Using open and axial coding techniques, the dominant subdiscourses in the perception of place identity and a group of urban development problems that cause the outflow of population from the city were meaningfully identified. Quantitative analysis of the number of comments (under posts) and likes (under comments) made it possible to identify the most significant and persistent problems, which are certainly of increased interest to representatives of municipal and regional authorities.

Keywords: *shrinking cities, place identity, Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), public discourse, online community*

Введение

Воркута как городское поселение во все периоды своего существования полностью зависела от роли государственной поддержки, без которой создание и сохранение городской инфраструктуры не представлялось возможным. С самого начала это искусственно созданное поселение, появившееся в результате политики советской индустриализации, базирующейся на централизованно-плановой экономике с её репрессивным характером. Сменившиеся социально-экономические условия в конце XX в. привели к сокращению роли государственного влияния и возрастанию роли бизнес-структур, что за-

пустило механизмы интенсивного убывания и вернуло внимание государства в виде политики управляемого сжатия. Воркута — это и пример города, в котором изначально этническое население оказалось в меньшинстве по сравнению с неукоренённым, социально разнообразным большинством, нацеленным на временное пребывание, но сумевшим создать уникальную среду с особой локальной идентичностью несевверных северян [1, Разумова И.А.]. Воркута — это город, в котором приезжие и вахтовики являлись основным социальным ресурсом для воспроизводства городского потенциала и культуры.

История Воркуты начинается с 20-х гг. XX в. и имеет свою специфическую историю, в отличие от других северных городов, например, Мурманска, хотя имеет схожую историю с другими городами Мурманской области, такими как Апатиты, Оленегорск, Мончегорск. Воркута возникает как поселение, на строительство и ресурсное производство которого доставляли спецконтингент, состоявший из заключённых, в том числе политических, и спецпереселенцев, которые были депортированы из различных районов по социальным (например, раскулаченные) или этническим (представители Кавказа, немцы, корейцы и пр.) причинам.

Исследователи Шабает Ю.П. с коллегами в своих работах отмечают три исторических этапа существования города, в пределах которых Воркута меняла свой архитектурный облик, состав населения, что отражалось и на особенностях восприятия городского пространства ее жителями [2, Шабает Ю.П. и др.]. Первая — Воркутлаг (20-е – 30-е гг. XX в.) — это исправительно-трудовой лагерь в системе ГУЛАГ автономной области Коми, задача которого заключалась в строительстве и обеспечении промышленных объектов, связанных с добычей каменного угля и строительством железной дороги. Архитектурно поселение представляло собой бездорожную территорию «зон» с набором землянок, бараков и соответствующим этому барачным образом жизни. Социальный состав населения состоял из заключённых, спецпереселенцев и этнического меньшинства. Исследователи указывают на особенности сложившейся системы отношений в поселениях, которая отличалась строгими запретами на взаимодействия между местными и приезжими и конструированием культурных дистанций между ними.

Вторая Воркута — это город шахтёров (статус города поселение получило ещё в 1943 г.), который начинает своё преобразование с 50-х гг. XX в., его появление связано с объявлением всеобщей амнистии 1954 г., что принципиально изменило как социальный состав населения, так и его архитектурный облик. С начала 50-х гг. в городе появляются первые кирпичные дома и широкие проспекты. После объявления амнистии многие заключённые массово покидают лагерь, на их смену приходят вольнонаёмные специалисты. Финансовое стимулирование в виде полярных надбавок, ранний выход на пенсию, льготные отпуска и улучшенное обеспечение выступили факторами привлечения в город большого количества профессиональных кадров, состоящих из инженеров, геологов, управленцев и элиты советского рабочего класса — шахтёров и металлургов, которые пе-

реезжали целыми бригадами и семьями из разных регионов страны. Социальный состав населения в эти годы представляет собой сложную структуру, совмещающую в себе разнообразные группы, состоящие из действующих (некоторые получают реабилитацию после 1970-х гг.) и бывших (оставшихся в силу разных обстоятельств в городе) заключённых, вновь прибывших специалистов, попавших в Воркуту по распределению или самостоятельно, и этнического меньшинства. В этот же период начинается массовое жилищное строительство, появляются новые предприятия, связанные с социальной инфраструктурой, улучшается снабжение города. Авторы исследований отмечают, что культурная среда и судьбы людей оказались очень схожими, несмотря на разнообразный социальный капитал жителей, обусловленный разным уровнем образования, профессиональной принадлежности, различных верований и прочее. «Именно принадлежность к общему делу, социально-профессиональная солидарность стали в последующие годы основой для формирования воркутинской идентичности» [2, Шабает Ю.П. и др., с. 83].

Третья Воркута — это период городского развития после 1989 г. Реструктуризация экономики привела к закрытию или приватизации градообразующих предприятий, что напрямую сказалось на сокращении занятости, снижении заработной платы, а в совокупности с сокращением дотаций и дороговизной проживания привело к «стрессовой миграции» [3, Averkieva K., Efremova V.]. Численность населения Воркуты сократилась с 219 тыс. человек (максимально зафиксированная в 1992 г.) до 48,3 тыс. человек в 2023 г. Данные последствия сказались и на самом консервативном компоненте городской среды — городской застройке, которая, не успевая за интенсивностью экономических, социальных и политических изменений, привела к разрастанию пористости городской ткани [4, Amato R.], в котором отчетливо меняется баланс между плотно заселёнными и опустевшими территориями [5, Gunko M. et al.]. «Золотой век» второй Воркуты заканчивается и изменением доминант в локальной идентичности: восприятие «столичности» сменяется чувством «периферийности» города-призрака.

В настоящее время Воркута — один из самых быстро сжимающихся городов. Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., численность населения по состоянию на 1 октября 2021 г. составила 56 985 чел., что на 19,2% меньше, чем зафиксировано по итогам ВПР 2010 г., и на 32,9% меньше, чем зафиксировано по итогам ВПР 2002 г. (см. рис. 1).

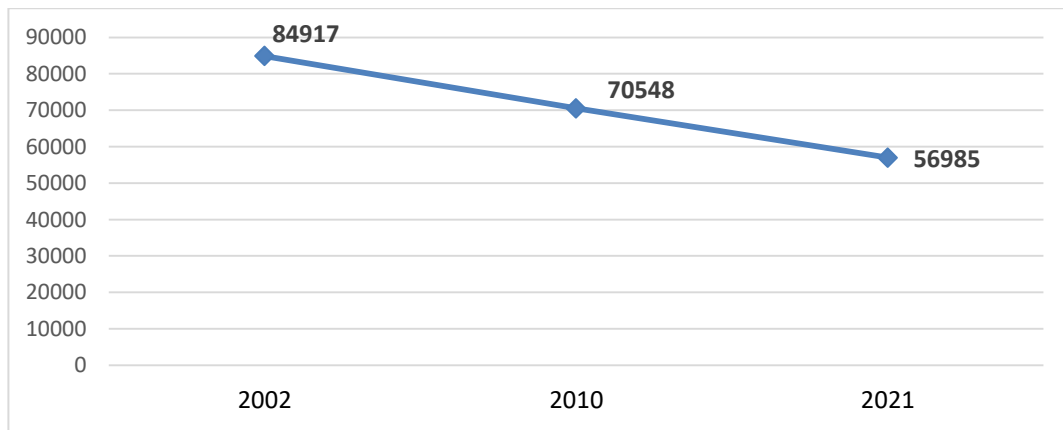

Рис. 1. Численность населения города Воркуты по результатам переписи населения 2002 г., 2010 г., 2020 г. (чел.)¹.

С 2017 г. в Воркуте действует программа по управляемому сжатию, её цель заключается в адаптации города к негативным эффектам оттока населения — людей переселяют из полупустых домов и из отдалённых территорий в благоустроенное жилье, чтобы отключить здания от коммунальных сетей и экономить на расходах на их содержание [6, Гунько М.С. и др.]. Переселение из Воркуты (как и из других Арктических регионов) поддерживается на государственном уровне начиная 2000-х гг., что тоже явилось фактором оттока населения.

Воркута — один из самых популярных кейсов в исследованиях социологов и урбанистов. Говоря о научном заделе по предмету исследования, необходимо отметить, что особенности восприятия городской среды чаще всего рассматривались в контексте исследований по локальной идентичности. Особого внимания заслуживают работы Шабаева Ю.П. в соавторстве с его коллегами, которые на протяжении многих лет изучали особенности формирования городского сообщества и культурной среды Воркуты, прежде всего с исторической и антропологической точек зрения [2; 7; 8, Шабаев Ю.П. и др.]. Авторы использовали методы анализа архивных документов, музейных материалов, мемуаров, описали историю города глазами обывателя; интересной представляется работа, в которой на основе рисунков заключённых были составлены ментальные карты Первой и Второй Воркуты. Серьёзным социологическим вкладом в исследование локальной идентичности, особенностей социального восприятия, жизненных установок молодёжи Воркуты являются работы под руководством Омельченко Е.Л. [9, Омельченко Е.Л.; 10, Литвинова С.А. и др.]. Продолжается работа по исследованию локальной идентичности воркутинцев силами сыктывкарских учёных, например, Ткаченко М.Р., которая с использованием опросных методов выявила трансформацию городской идентичности жителей Воркуты на современном этапе, особенности её профессиональной составляющей и пришла к выводу о кризисе социальной идентичности. По мнению исследовательницы, попытки формирования положительной идентичности, та-

¹ Численность, размещение, возрастно-половой состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 1: стат.сб. / Комистат. Сыктывкар, 2012. С. 13; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года (на 1 октября 2021 года) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 22.03.2024).

кие как брендинг города и городские символы, показывают свою неэффективность: в одном случае — из-за несоответствия социально-экономическим реалиям, в другом — из-за непонимания самими жителями, в третьем — из-за некорректного управления [11; 12, Ткаченко М.Р.].

Теоретико-методологическая рамка исследования

Переходя к описанию фундаментального основания настоящей работы, мы остановимся на двух составляющих её концепта: убывающий город (*shrinking city*) и идентичность места (*place identity*).

В научной литературе, посвящённой проблеме убывающих городов, можно выделить три основных теоретических подхода, которые формировались во временной последовательности друг за другом. Динамика роста и сокращения получила своё отражение в теории жизненного цикла городов, в которой периоды демографического бума, чередующиеся с сокращением численности населения, интерпретируются как естественный цикл развития городов [13, Van den Berg L.; 14, Berry V.J.]. Более поздние исследования поставили под сомнение эту точку зрения и привели к формированию концепции сокращения и гипотезы непрерывного (безвозвратного) процесса упадка, связанного с такими движущими силами, как экономические трансформации, демографические изменения, субурбанизация, а также политические и экологические трансформации [15, Champion A.G.].

В рамках второго подхода (концепции убывания как упадка городов) накопился значительный опыт урбанистических исследований, в которых своё отражение получили (1) причины убыли и упадка городов [16, Reckien D., Martinez-Fernandez C.; 17, Wiechmann T., Pallagst K.M.]; (2) описания и классификации траекторий сокращения городов [18, Mykhnenko V., Turok I.; 19, Beauregard R.A.] и (3) предложения мер по планированию [20, Schilling J., Mallach A.; 21, Allam Z., Newman P.].

В научной литературе можно выделить три доминирующие теории, которые преимущественно преобладают в обосновании причин убывания. Одной из самых популярных теорий является экономическая. Рассуждая о ключевых детерминантах упадка городов, авторы рассматривают экономические проблемы как первостепенные. Например, в теории Дэвида Харви «маятниковое движение» инвестиций, их изъятие и реинвестирование являются причинами пространственной сегрегации городов при капиталистической урбанизации: в то время как некоторые места успешно привлекают инвестиции, другие терпят неудачу в этом и страдают от заброшенности, снижения привлекательности и в конечном счёте сокращения численности населения. Более того, поскольку капитал, однажды вложенный в конкретное пространственное окружение, быстро обесценивается, сегодняшние инвестиции могут стать препятствием для дальнейшего накопления завтра, так что городские пространства постоянно переделываются с помощью нового раунда пространственных изменений [22; 23, Harvey D.]. В отечественной научной литературе неравномерное распределение инвестиций в регионах и городах России рассматривается в работах Н. Зубаревич [24; 25].

Теории территориального разделения труда объясняют неравенство через призму того, что урбанизация основана на различной географической концентрации конкретных предприятий, отраслей промышленности и рабочей силы [26, Massey D.B.; 27, Scott A.J.]. В литературе по территориальному разделению труда подчёркиваются циклические и кумулятивные процессы агломерации городского и регионального развития [28, Dundorf M.; 29, Меерович М.Г.]. Согласно данной теории, концентрация городского населения зависит от реальных форм производства и стратегических решений, принимаемых преимущественно транснациональными корпорациями, поскольку они приспособляются к экономическим и технологическим изменениям.

Демографические теории объясняют убывание через сокращение численности городского населения, фокусируясь главным образом на последствиях снижения рождаемости и увеличения ожидаемой продолжительности жизни. На фоне второго демографического перехода [30, Lesthaeghe R., Van de Kaa D.] утверждается, что сохранение показателей рождаемости ниже уровня воспроизводства в большинстве стран Европы и Северной Америки приводит к долгосрочному сокращению численности населения. В результате рост населения в европейских городах значительно замедлился за последние тридцать лет [20, Mykhnenko V., Turok I.], и, скорее всего, он продолжится в течение следующих двадцати пяти лет. Наиболее часто ожидаемые результаты включают увеличение среднего возраста населения, сокращение численности населения трудоспособного возраста и изменение структуры миграции, которые делают дальнейшую потерю населения реалистичной перспективой для растущего числа городов. Необходимо отметить, что данный теоретический подход один из самых распространённых в отечественной литературе. Например, Гунько М.С., Антонов Е.В. и др. анализируют демографические факторы как одни из самых ключевых в системе расселений [6; 31].

Менее разработанными причинами убывания в теориях выступают экологические и политические факторы [32, Haase A. et al.]. Данные факторы фактически не освещены в отечественном сегменте научной литературы.

Что касается описания и классификаций сокращения городов, то часто причинно-следственные объяснения сочетаются в работах с предлагаемыми классификациями и типологиями [19, Wiechmann T., Pallagst K.M.; 20, Mykhnenko V., Turok I.; 21, Beauregard R.A.].

Подводя итог, можно констатировать, что все теории рассматривают убывание как общее явление, которое глубоко укоренилось в природе урбанизации капиталистического общества или в самой демографической трансформации, но при этом не представляют собой общей дискуссии.

Третий подход условно можно назвать интегративным или, как его обозначают сами авторы, «плюралистическим», включающим в анализ убывания множество объясняющих факторов [32, Haase A. et al.]. Хаас А. с коллегами разработали теорию среднего уровня, в которой предлагают модель, состоящую из следующих характеристик: факторы сокращения, факторы воздействия и ответные меры. Данную модель авторы называют эмпирически уни-

версальной для анализа убывания конкретных городов, чтобы избежать редуccionистского подхода при использовании какой-то одной теории, особенно в компаративистских исследованиях.

Вместе с тем мы можем констатировать, что характерной чертой убывающих городов является устойчивая потеря населения, при этом чаще всего в исследовательский фокус попадают демографические проблемы и структурный кризис, с которыми сталкиваются убывающие города [32, Haase A. et al.; 33, Haase A. et al.; 34, Bernt M.; 35, Hollander J.B.].

В соответствии с интегративным подходом, в данной работе под убывающим городом мы будем понимать совокупный результат действия экономических, демографических факторов, сказавшихся на системе расселения [36, Rink D. et al.]. Индикатором убывания города служит сокращение численности населения (как в результате естественной убыли, так и в результате миграционных процессов).

Следующий концепт, на которой мы опираемся в работе, — идентичность места. Мы обращаем внимание, что существующий задел работ по исследованию восприятия города как среды проживания базируется на понятии «локальная идентичность» как части социальной идентичности. Мы используем концепт «идентичность места», понимая под ним скорее свойство человека, а не места. Это самоопределение человека с точки зрения места, те измерения личной идентичности человека, которые формируются в связи с его физическим окружением [37, Proshansky H. Et al.]. В рамках этого понимания город как место — это средство выделения себя среди других, сохранения чувства преемственности, выстраивания положительной самооценки и создания чувства собственной уникальности [38, Twigger-Ross C.L., Uzzell D.].

Научной новизной нашего исследовательского подхода является использование данных цифрового следа горожан, которые они добровольно оставляют в сети. Предметно нас интересует, как жители через публичный дискурс транслируют идентичность места и интерпретируют проблемы среды, приводящие к интенсивному убыванию, какие плюсы и минусы жизни в городе они сообщают друг другу.

Методология анализа субъективного восприятия жителей основана на выявлении проблемных концептуализаций состояния городской жизни, отражённых в публичном дискурсе онлайн-коммуникации. В качестве методологической основы в исследовании применен подход анализа качественных данных, предполагающий процесс сбора, структурирования и интерпретации качественных данных. Основным методом анализа качественных данных был выбран метод анализа нарратива. Нарративный анализ фокусируется на сообщениях, которые оставляют люди (в нашем случае — в социальных сетях), и на языке, который они используют, чтобы осмыслить их [39, Lewins & Silver]. В данном подходе мы видим следующие преимущества:

- свободно выражаемый формат своего мнения и опыта проживания посредством естественного языка

- отсутствие эффекта интервьюера, который свойствен опросным методам. Необходимо отметить и ограничения такого подхода, прежде всего из-за невозможности соблюсти репрезентативность.

Так или иначе, учитывая уровень проникновения диджитализации в повседневную жизнь горожан, мы можем предполагать, что в городах с суровыми климатическими условиями общение в социальных сетях и мессенджерах является распространённой практикой.

Как нами отмечалось ранее, субъективное восприятие проблем городского развития проявляются в дискурсе сообществ через интерпретации, оценки, описания личного опыта, которые жители репрезентируют в процессе обсуждений. Они могут рассматриваться как качественные характеристики субъективного образа города и опыта проживания в нём, так как отражают характерные для сообщества установки, предпочтения, фобии в адрес города и городского / регионального управления, а также отражают локальный язык, который сформирован сообществом для описания окружающего контекста. В данной работе на эмпирическом материале цифрового городского сообщества мы продемонстрируем формирование в публичном дискурсе качественных характеристик городского развития с фокусировкой на субъективном восприятии горожанами «болевых точек», влияющих или объясняющих миграционные настроения и намерения. Количество и интенсивность упоминаний различных проблем, длительность их обсуждений, поддержка конкретных сообщений количеством «лайков» могут также рассматриваться как количественные характеристики дискурса о проблемах городского развития [40, Ненько А.Е., Недосека Е.В.].

Характеристика эмпирической базы исследования

В качестве эмпирического материала в данной статье рассматриваются текстовые сообщения, отражающие публичный дискурс онлайн-сообщества г. Воркуты, активно действующего на момент написания статьи. В процессе отбора онлайн-сообщества для анализа были рассмотрены группы в социальной сети «ВКонтакте». Критериями отбора сообщества послужили следующие:

- городское сообщество, тематически посвящённое Воркуте, его истории, проблемам и событиям
- высокая популярность сообщества в информационном поле (определяется методом поискового запроса в поисковом агрегаторе «ВКонтакте»)
- постоянная высокая интенсивность коммуникации внутри сообщества (не менее двух постов в день за последний год)
- обсуждение проблем города на стене сообщества,
- история существования сообщества (не менее 5 лет),
- позиционирование сообщества именно как локального (городского) [40, Ненько А.Е., Недосека Е.В.].

Так, поисковый запрос по ключевому слову «Воркута» в социальной сети «ВКонтакте» выдает 2 829 сообществ, содержащих в названии данное слово. Группа «Подслушано Воркута», образованная в 2017 г., насчитывает 50,9 тыс. подписчиков, что относит это сообщество к самому популярному среди других сообществ в представленной социальной сети (см. табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг сообществ, посвящённых городу Воркуте, в социальной сети «ВКонтакте»

Название группы	Тип сообщества	Количество подписчиков, тыс. чел. ²
Подслушано Воркута	Городское сообщество	50,9
Хэлоу, Воркута!	Городское сообщество	48,9
Моя Воркута	Интернет-СМИ	36,9
Воркута 24 Новости ПРЯМОЙ ЭФИР	Городское сообщество	16,6
Типичная Воркута	Городское сообщество	22,5
Воркута Поймет	Городское сообщество	14,0

Пользователей с активными аккаунтами (не заблокированными и не удалёнными) 91,1% от общего числа подписчиков. Пользователей с доступной информацией о возрасте 52,5% от общего числа пользователей и 51,8% от активных пользователей. Наиболее многочисленные категории пользователей — 31–40 лет (28,9%), 21–30 лет (23,7%) и 41–50 лет (16,3%). Практически все пользователи сообщества идентифицированы по полу (свыше 99%), из них 44,4% — мужчины, 55,6% женщины.

Сбор данных обсуждений в онлайн-сообществе был произведён автоматизировано с использованием языка программирования Python 3.8.10. Собираемые данные включали текстовые записи — посты и комментарии — на «стене» сообщества. В результате парсинга в базу данных были выгружены записи за 2022 г.: общая совокупность постов — 9 032 единицы, общая совокупность комментариев — 191 733 единицы.

Далее посты были отсортированы по убыванию числа комментариев, определён минимальный порог их «популярности» в 100 комментариев. В результате были отобраны 344 поста, составивших общую выборку для первичного анализа с помощью техники открытого кодирования с наименованием тем обсуждения (всего 28 тем).

Для дальнейшего более углублённого анализа были отобраны темы, наиболее релевантные проблематике данного исследования (всего 64 поста), а именно: «плюсы и минусы жизни в Воркуте», «блогеры», «переезд в Воркуту», «прощание с Воркутой», «воспоминания», «туризм», «возвращение в Воркуту». Данные темы содержат посты и комментарии к ним с наиболее яркими проявлениями публичного дискурса жителей города об идентичности места и проблемах города, выступающих в качестве субъективно воспринимаемых причин оттока населения.

² По состоянию на 15.03.2024.

Из выделенных 64 постов были выгружены комментарии в общем количестве 11 649 единиц, которые сначала были отсортированы и отобраны по количеству лайков (от 10) как индикаторов поддержки участников сообщества (всего 384 единицы). Далее из этого массива комментариев были исключены неинформативные и нерелевантные целям исследования суждения (в том числе предлоги, междометия, знаки пунктуации, различные символы и пр.). Итоговый массив комментариев составил 366 единиц, который вместе с 64 постами образовал целевую выборку для проведения более углубленного анализа.

Основные процедуры такого анализа осуществлялись посредством техник открытого и осевого кодирования. В результате открытого кодирования всех постов и комментариев целевой выборки были определены основные категории (процедура проводилась, пока не перестали появляться новые категории). Осевое кодирование осуществлялось посредством отбора релевантных сообщений по ключевым словам из большего объёма выборки — из всех 344 постов и соответствующих им 59 021 комментариев. Для иллюстрации выделенных категорий нами отбирались доминирующие мнения (в частности, самые поддерживаемые лайками комментарии), а также наиболее полно раскрывающие смысл той или иной категории.

Результаты исследования

В результате обработки постов и комментариев первое, на что мы обратили внимание по популярности и общественному резонансу, — сообщения, которые репрезентируют идентичность места воркутинцев. В частности, были выделены два субдискурса, содержательно раскрывающие идентичность места в публичном дискурсе:

Первый субдискурс концептуализируется как «границы и дистанция». Посты и комментарии, тематически связанные с достоинствами и недостатками города, часто провоцируют дискуссии, в которые охотно вовлекаются разнообразные участники: местные жители и жители ближайших населённых пунктов, мигранты, покинувшие город и прибывающие в него, туристы (в их числе — блогеры, журналисты и их подписчики). Сосуществование этих групп в пространстве публика приводит к столкновению конфликтующих дискурсов. «Неместный» дискурс представлен широким диапазоном тем: от поиска квартиры для покупки до комментариев в духе «в Воркуте можно не жить, а выживать». Наряду с поиском информации о нюансах переезда в город и восхищением природой Воркуты, потенциальные жители города и туристы отмечают невозможность полноценной жизни в условиях «умирающего города» и нежелание его жителей признавать отсутствие перспектив, указывают на чувство жалости, вызываемое городом и его резидентами. Такой образ Воркуты не соответствует представлениям местных жителей о нём.

Наибольшее возмущение вызывают посвящённые Воркуте материалы блогеров и журналистов, которые размещают видео в сообществе. Воспроизводство стереотипов о населении города, искажение и спекуляция на его истории, продуцирование чувства жалости к городу и его жителям, игнорирование положительных аспектов жизни города высту-

пают основными причинами настороженного отношения местных жителей к потенциальным резидентам, туристам, особенно блогерам и журналистам.

«Что за бред??? Опять эти недоблогеры всякую чушь, про Воркуту снимают!» (188 лайков).

«Люди устали от тех, кто приезжает к ним в город ради контента, попутно либо высмеивая его и его жителей, либо пихая жалость, которая поперек горла и не особо кому-то и нужна?» (24 лайка).

Вероятно, негативный образ Воркуты, воспроизводимый в паблике (и СМИ в целом), побуждает местных жителей к конструированию границ и выстраиванию дистанции. Это находит выражение в отношении к «неместным», а также в представлениях относительно других регионов России.

Подписчики сообщества, представляющиеся местными жителями, не скрывают своей неприязни по отношению к неместным жителям, выставяющим город в негативном свете. Подчёркивается нежелательность их присутствия в городе.

«Вывезите его в тундру и забудьте о нём» (44 лайка).

*«Не нравится мой город не*** (прим. незачем) ездить сюда»* (33 лайка).

«что вы сюда все претесь????» (20 лайков).

Максимальная дистанция отмечена по отношению к блогерам: данная тема является одной из наиболее популярных среди отобранных постов (14 постов, 2 521 комментарий).

В отношении к блогерам, рассказывающим о своих впечатлениях от Воркуты, преобладают негативные оценки вплоть до унижения и оскорблений:

«... ну, что и требовалось доказать. Нагадил в чужом городе он, а реакция горожан удивила. ...мы просто идиотов таких раньше не видели, ещё ни одна обезьяна к нам гадить не приезжала))) хотел хайпа — гадил бы сразу на площади, был бы и хайп, и скандал, и славу бы в травмпункте получил...» (110 лайков).

В то же время есть и альтернативная позиция, которая выражается в признании объективных проблем города, выставленных напоказ приезжими блогерами:

«Вас ребята трудно понять. То уют как у нас все плохо, что до нашего города никому нет дела, то как только кто-то приезжает в Воркуту, кто мог бы осветить проблемы Воркуты на всю страну, то вы начинаете с пеной у рта орать какую-то дичь. Фу, какая мерзость, позор. Мне стыдно за своих горожан» (75 лайков).

В целом дистанция способствует укреплению границ и сплочению местного сообщества с выделением особой группы «настоящих воркутинцев»:

«Про Воркуту плохо пишут залетные, те кто приехал побыл чуть-чуть и давай хаять. А настоящие воркутинцы никогда плохого не скажут о своем городе» (57 лайков).

Конструирование границ выражается в представлениях о других регионах России. Так, в нарративах местных жителей выделяются описания Москвы, которой наряду с положительными чертами приписываются негативные характеристики. С одной стороны, неприязнь

к городу выражается в ироничных замечаниях относительно жителей Москвы — «маасковских гостей», «Шариковых-Масквачей». С другой стороны, авторы постов и комментариев на эту тему ссылаются на «объективные» проблемы города: затруднённую транспортную коммуникацию, экологическую обстановку, трудовую миграцию и её последствия, сложности с арендой и покупкой недвижимости.

«Умница московская не хочет рассказать про жуткие места москвы, как люди живут в коммуналках или дома построенные в 1905 или 1907гг, без ванн и горячей воды» (75 лайков).

«Я вот не понимаю, как можно жить в той же Москве и подобным городам, где дышать нечем, большая часть жизни проходит в метро, до работы добираться как минимум час, постоянные пробки и тратятся безумные суммы на один только проезд. А в Воркуте размеренная, спокойная жизнь. И да, город красивый. В других городах так же полным-полно разваленных домов, обшарпанных зданий и т. д.» (59 лайков).

Другая важная особенность восприятия Воркуты, обозначаемая участниками сообщества, — различие Воркуты и ближайших посёлков, которые, по мнению местных жителей, не должны рассматриваться как часть города. Любопытно, что при этом заброшенные посёлки, показанные туристами, как правило, отвечают представлениям воркутинцев о жилищной ситуации в России.

«Почему блогеры пишут "город", а снимают поселки? Так и про Москву можно написать, сняв заброшенные подмосковные деревни» (41 лайк).

«В таких городах и поселках живут пол России Матушки и люди живут и радуются жизни» (21 лайк).

Помимо Москвы, на карте России, в восприятии воркутинцев, выделяются южные регионы, противопоставляемые «Северу» и выступающие пригодными для миграции.

«...для них Воркута любимая и хорошая, только когда они на море где-нибудь» (20 лайков).

«Третий год живу в Ростовской области, и люди нормальные!!! Все зависит от самого себя, какой Ты такое к тебе отношение, Меня в Воркуту и не тянет, хотя прожила 41 год,..НА ЮГЕ ЛУЧШЕ, даже снега хватает» (14 лайков).

Сравнивают Воркуту и с северными городами — Салехардом, Норильском, Мурманском. Чаще всего это очень эмоциональные обсуждения, где большая часть комментариев о кризисном положении Воркуты.

«Ребятки не смешите, на днях была в Салехарде и Лабытнанги такие же арктические города! Но там реально строят!!!...» (26 лайков).

«...недавно закрыли последний кинотеатр например, делать нечего, сходить некуда, посмотреть не на что (в сравнении с тем же Норильском или Мурманском например)» (7 лайков).

Реже встречаются одиночные (без поддержки лайками) комментарии об одинаково плачевном положении всех городов Севера.

«...Побывайте в Мурманске, Норильске, Печоре, Инте, Ухте, Якутске, Магадане... Все они ничем от Воркуты не отличаются» (0 лайков).

Север имеет большое значение в структуре идентичности нынешних и бывших жителей Воркуты. Быть северянином, в понимании воркутинцев, значит, с одной стороны, быть сопричастным к северной природе: тундре, оленям, белым ночам и морозам, с другой стороны, северяне разделяют общую социально-экономическую судьбу вследствие особого статуса жителей Севера, выраженного в северном коэффициенте. Однако, несмотря на ощущение принадлежности к северянам, жители Воркуты часто подчёркивают уникальность города. Так, Воркуту называют «столицей мира», а воркутинцев — этнической группой.

«Есть такая национальность — воркутинец. Кто здесь много лет прожил, тот поймёт. Воркута-город со своей историей и менталитетом. Здесь особенные люди и своя необычная атмосфера» (83 лайка).

Второй субдискурс концептуализирован как «Мы и Они», он сопряжён с первым субдискурсом и описывает состав дистанцируемых групп и их качественные характеристики. Так, внутри сообщества местных жителей выделяются «инородные» элементы: например, «понаехавшие» и «молодёжь», рассматриваемые как причина проблем, с которыми сталкиваются жители Воркуты. Следует отметить, что «люди» — одна из центральных категорий, с помощью которой осмысляется идентичность жителей Воркуты. Местные жители и мигранты, покинувшие город, отмечают отзывчивость, доброту, честность и прямолинейность воркутинцев, свойственные и другим северянам. Городское сообщество описывается как «большая семья». При этом «люди» часто представляются главным или единственным достоинством Воркуты, которая благодаря «людям» является «спокойным» городом. «Коренные воркутинцы», по мнению местных жителей, принадлежат к числу тех самых «людей», поэтому возникает потребность в выделении группы, ответственной «за всё плохое». Одной из таких группой выступают приезжие, принадлежность к которым определяется продолжительностью пребывания в Воркуте.

«Коренные воркутинцы (кто тут родился), да и долго живет- отзывчивые и дружелюбные!!!!» (35 лайков).

«Люди, люди все хорошие. Все что есть плохого это от большого количества залетных...» (11 лайков).

«Северяне, которые настоящие, приехавшие в 50-х годах, добрые, щедрые, отзывчивые, наверно там таких осталось около 20–30%, а остальные те кто наш город называют помойкой это «понаехавшие» за северными льготами» (10 лайков).

Другая группа, на которую возлагается вина за проблемы города, — «молодёжь». По мнению некоторых жителей города, молодые люди являются носителями практик, угрожающих безопасности города, а также демонстрируют нежелание отстаивать его интересы.

«Неуважаемые подростки. Может хватит устраивать свои тусы в каскаде и в гостинице? Вы нам, нормальным людям мешаете работать и отдыхать. Собирайтесь в других местах, на улице или в подъезде. Мы в детстве взрослых не тревожили, потому что по шапке получить могли. Вы вообще страх потеряли. Думаю адекватное население меня поддержит, с этим что-то надо делать» (182 лайка).

«И что интересно, оправдывают и защищают его молодежь! Да, старшее поколение не принимает таких, шуток" ни о своем городе, ни о горожанах. Ой, да что такого, парень шутил, а все вы такие тупые, шуток не понимаете и т.д. Да нет, мы понимаем шутки, а не этот бред, что он нес, такие шутки невозможно принять. Молодежь сейчас, вообще, стала какой то беспринципной, их город можно сказать унизили, а они радуются, какой классный этот Кулаков, как прикольно пошутил.» (18 лайков).

В обсуждениях пользователей, посвящённых оттоку населения, выделяются четыре категории причин убывания города: инфраструктурные, коммерческие, социальные и климатические. К первым можно отнести закрытие детских садов и школ, низкий уровень качества оказания медицинских услуг, сокращение числа рабочих мест, аварийное состояние жилищной инфраструктуры, повышенные тарифы пользования коммунальными услугами, неудовлетворительное состояние дорожной инфраструктуры, не располагающую к развитию региональную и городскую систему управления.

Закрытие детских садов и школ рассматривается пользователями как маркер упадка города и провоцирует ностальгические переживания. Например, пост, собравший наибольшее количество комментариев (1 303), посвящён обсуждению школ Воркуты и ближайших посёлков, в которых учились участники сообщества. Согласно таблице, предложенной автором поста, большинство из них закрыты: из 47 продолжают работу 15 учреждений. По мнению пользователей, такая статистика указывает на отсутствие перспектив для развития города.

«Замечательная табличка. Отражает политику нашего государства и состояние города» (12 лайков).

Низкий уровень качества оказания медицинских услуг выступает ещё одной причиной оттока населения. Участники сообщества отмечают, во-первых, последствия оптимизации системы здравоохранения (не конкретизируя, в чём они выражаются), во-вторых, отсутствие квалифицированных специалистов.

«Вскоре в Сыктывкар на приём "ходить" будем, с этой модернизацией врачей» (26 лайков).

Сокращение числа рабочих мест, сопряжённое с закрытием шахт, — ещё один «маркер» сжатия города.

*«Нифига хорошего в воркуте нету заводы все закрыты, поселки закрывают, в 3-ем районе ни садика ни школы, ни аптеки, квартиры дешевые, за пределами *** (прим. невозможно) получишь, короче полная *** (прим. все плохо)» (24 лайка).*

«Нам повезло, мы не видели такое отношение к городу, шахтерским посёлкам, даже шахтам! Воркута в моей памяти, такая же, как при СССР!!! Поселках жили, радовались, любили, бегали дети, работали школы, и музыкальные, детей отправляли на отдых, на юга, воспитания было на высоком уровне, Дворце Пионеров кипела жизнь, громкий смех детишек радовала всех... И пришли эти... и всё закончилось...» (35 лайков).

Необходимо отметить, что в восприятии горожан (особенно старшего поколения, чья трудовая деятельность пришлась на «золотой век») прослеживается ностальгия по советскому периоду, который ассоциируется с развитием, финансовым и социальным благополучием, что обостряет восприятие современного положения города и вызывает злость и раздражение на федеральную политику по отношению к региону и бизнес.

«...Эх, если бы не предательство во власти, то и селекция добилась бы своего результата. Советы были для людей» (24 лайка).

Пользователи также выражают «возмущение» относительно аварийного состояния жилищной инфраструктуры, указывают на утопический характер переселения из аварийного жилья. Переезд без государственной поддержки в пределах и за пределы Воркуты сопряжён с финансовыми трудностями: отсутствием сбережений и высокими коммунальными счетами, оплата которых не зависит от факта проживания в городе. По этой причине жители города, желающие уехать, сталкиваются с необходимостью отказа от права собственности на недвижимое имущество, его продажи или сдачи в аренду.

«Плюнули на очередь на жильё, сдали городу 5 — ти комнатную квартиру с её неподъёмными квартплатами, собрали контейнер и уехали» (23 лайка).

«Жильё дешевое привлекает видимо. А понять что не просто так люди за копейки свои квартиры продают и уезжают видимо кому то и с высшим образованием сложно» (17 лайков).

«Господи я рада что уехала с Воркуты, прожив 41 год, квартиру здаю за копейки центре даже коммуналку не хватает оплачивать...» (35 лайков).

Продажа имущества как один из способов избавиться от обязательств в условиях низкого спроса, по мнению авторов постов и комментариев, приводит к снижению стоимости недвижимости. Это, в свою очередь, выступает фактором, стимулирующим население к переезду в Воркуту. Указанное наблюдение находит выражение в публикационной активности сообщества: 11 из 344 постов посвящены обсуждению подробностей миграции в Воркуту: пользователи, намеревающиеся переехать или уже переехавшие в город, интересуются предложениями рынка труда, стоимостью жилья, доступными товарами и услугами. Таким образом, с одной стороны, состояние жилищной инфраструктуры и размер коммунальных платежей провоцируют отток населения, с другой стороны, сниженный уровень цен на жильё, отсутствие накоплений и проживание в муниципальном жилье препятствует данному оттоку.

Также важно отметить роль состояния дорожной инфраструктуры в структуре причин убывания города. Участники сообщества указывают на автомобильную изоляцию Воркуты, препятствующую внутри- и межрегиональной мобильности, а также аварийное состояние дорожного полотна.

«Плохо одно, что нет дороги и ее никогда не будет потому что РЖД это не выгодно, а все остальное нормально» (23 лайка).

«В центре есть ямы на дорогах которым уже лет по 20...одна дворовая часть ул. Парковая, Дончука, Яновского чего стоит....а это город....за поселки вообще говорить нечего» (35 лайков).

Ещё одной причиной оттока населения выступает не располагающая к развитию региональная и городская система управления. Пользователи отмечают «равнодушие» государственных структур, их неготовность решать проблемы города. Автор постов и комментариев ожидают от властей регулирования тарифов ЖКХ, ценообразования, состояния дорожного полотна, контроля за соблюдением чистоты в городе. Кроме того, отмечается отсутствие поддержки со стороны государства в виде достойного «северного коэффициента». Бездействие администрации участники сообщества связывают с коррупцией и отсутствием должного финансирования.

«Сергей был депутатом.. Но за весь созыв, решал. Проблемы, своего бизнеса.. Мне то всё равно, но Вы избиратели. Должны понимать. Что для этого.. Кандидата, важно только, его бизнес... Вы ему не нужны!!!» (29 лайков).

«... власть бездействует и продолжает транжирить деньги и без того небогатого бюджета Воркуты» (17 лайков).

«Когда воркуту приравняли к арктической зоне, надбавка должна была вырасти, но процесс затянулся на годы и о нем уже забывать начали, а тут люди негодуют, что в сыске (прим. Сыктывкаре) тоже северные платят, только забыли-там же вся республиканская верхушка, они и протолкнули» (19 лайков).

Вторая категория причин отражает неудовлетворённость участников группы предложениями, доступными на рынке товаров и услуг. Так, авторы постов и комментариев указывают на неприемлемо высокие цены на товары первой необходимости. Кроме того, пользователи отмечают низкий уровень качества оказываемых услуг и отсутствие альтернатив.

«Нормальные цены, если ничего не покупать» (19 лайков).

«Ага! ещё и цены ломают! 15т. За такой "комфорт" совсем уже ёкнулись.» (24 лайка).

Следующей категорией причин, артикулируемых участниками группами, является неблагоприятная социальная обстановка. Приезжие, подростки и «деклассированные элементы» выступают основными источниками «угрозы»: по мнению пользователей, они склонны к нарушению общественного порядка и преступной деятельности.

*«Везде *** (прим. плохо) и мусор люди быдло нарки и алкаши пол города заброшено работы нигде нет а если и есть зарплата минималка все *** (прим. люди, преимуще-*

ственно подросткового возраста) курят и пьют у нас в городе наркомания и нарко притоны а полиция ищет останавливает алкашей на улицах» (19 лайков).

Необходимо отметить, что происшествия — одна из популярных тем для обсуждения в сообществе (ей посвящено около 20% проанализированных постов). Происшествия, как правило, носят «социальный» характер: пользователи обсуждают убийства и самоубийства, дорожно-транспортные происшествия, кражи, драки, порчу имущества, поведение, противоречащее нормативным ожиданиям, факты ненадлежащего оказания услуг. Помимо распространения фотографий и видео, подтверждающих произошедшее, в сообществе размещаются посты, нацеленные на восстановление справедливости: например, обращение к должнику с просьбой вернуть долг. Это наблюдение входит в противоречие с дискурсом «спокойного» города, популярным среди участников группы. Разрешение этого противоречия, по всей видимости, сопряжено с выделением групп, ответственных за нарушение порядка.

Последняя категория причин — суровые климатические условия. Как правило, пользователи указывают на продолжительную зиму и скудную растительность. Этот фактор часто отмечают пользователи, покинувшие город.

«Прожила всю юность, уехала... Не жалею... Всю зиму темнота с двух дня, как ночью, холод собачий, пурги. Одеваешься как капуста, только нос торчит... Какая там вторая половина, быстрее бы домой в тепло, ни людей посмотреть, ни себя показать» (25 лайков).

«Открою вам секрет. Никто не любит, когда холодно, когда темно пол зимы, когда до цивилизации сотни и тысячи километров, а воду вырезают бензопилами из реки. Нет таких людей!» (97 лайков).

Любопытно, что в нарративах участников сообщества, уехавших из Воркуты, причины оттока населения артикулируются особым образом. Помимо климатических условий, авторы постов и комментариев выделяют отсутствие перспектив и депрессивность, сообщаемую городом.

«Когда возвращаюсь в Воркуту всегда есть ощущение депрессии и бессмысленности бытия» (69 лайков).

«Уехала 10 лет назад, чему рада-у Воркуты нет будущего.» (46 лайков).

«Из Воркуты уехали в Нижний Н., хотя всегда говорила, не уедем из Воркуты... Муж родился в Воркуте работали на ш. Северная всю жизнь... Но после аварии на шахте, как то пусто стало на поселке... Вот где начал мучить депресняк... И решили одним махом уехать... Оставили все как есть...» (20 лайков).

В то же время встречаются и ностальгические чувства, полные любви к малой родине:

«Прожила в Воркуте 40 лет, ... любимый город, 4 года назад выехали, как только увидим фотки или любую информацию о Воркуте, плачем, горло перехватывает, это го-

род нашей юности, дорог нашему сердцу, но холод замучил(((выехали, не жалеем, но о городе с теплотой и любовью вспоминаем!!!» (73 лайка).

В целом все представленные по итогам анализа сообщений категории причин оттока населения образуют субдискурсы, в центре которых выделяются так называемые «точки напряжения», выражающиеся в столкновении разных позиций и взглядов.

Заключение

Убывающий город — это особый феномен, который на бытовом уровне может определяться как умирающий, тем самым отражая алармистские и эсхатологические настроения самих жителей такого города, а также оценивающий взгляд «извне» — прежде всего со стороны приезжих, туристов и гостей. В центре такой категоризации может находиться сравнение настоящего с прошлым, и тогда происходит своего рода романтизация истории, выраженная ностальгией по уходящему «золотому веку», который прочно ассоциируется с советским прошлым. Это отражается в дискурсе «настоящих воркутинцев», стоявших у истоков формирования города и соответствующей локальной идентичности, основанной на социально-профессиональной общности — «шахтёры». Реструктуризация экономики и прежде всего закрытие шахт становится точкой перелома, обусловившей кризис локальной идентичности, потерю оснований для социальной солидаризации, что в совокупности с материальными факторами приводит к увеличению миграционного оттока населения Воркуты.

Кроме того, может производиться сравнение с другими городами, прежде всего находящимися в средней полосе и центральной части России. Особое место в системе координат имеет сравнение с Москвой, которая становится «землёй обетованной», центром притяжения всех ресурсов, в том числе человеческих, а также мерил, ранжирующим другие города. Данный дискурс имманентно присущ жителям других городов, посетивших Воркуту, которым точно есть с чем сравнивать, но в то же время обнаруживается и среди местных, живущих в городе или уехавших из него. Так, внимание блогеров к городу, определивших его как умирающий, породило встречное внимание местных жителей как к самим блогерам, так и к себе, своему месту жительства, выраженное посредством субдискурсов «границы и дистанция» и «мы и они». Вторжение «чужаков» становится своеобразным триггером, запустившим процесс выстраивания символических границ и укрепления локального самосознания, вплоть до местного «этноцентризма». Положительный образ «настоящих воркутинцев» становится оплотом социальной солидаризации, являя собой пример жителей города, которые помнят прошлое и любят нынешнюю Воркуту.

При этом достаточно открытым и неопределённым остается вопрос будущего убывающего города, его перспектив в контексте реализации политики управляемого сжатия. Анализ субъективного восприятия жизни в городе, выявление проблем, дебатированных в публичном дискурсе социальных сетей, отражает параметры социального самочувствия местных жителей. Центральное место в таких дебатах занимает инфраструктурная повестка и

прежде всего жилищный вопрос, что требует внимания со стороны представителей муниципальной и региональной власти.

Список источников

1. Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. Санкт-Петербург: ГАМАС, 2009. 160 с.
2. Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Лабунова О.В. Культурная эволюция заполярного города: от города-концлагеря к городу-призраку (часть 1) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2018. № 2 (34). С. 78–88.
3. Averkieva K., Efremova V. Concepts and causes of urban population loss in the post-Soviet period // Postsocialist Shrinking Cities. Routledge. 2022. Pp. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780367815011-13>
4. Amato R. On Empty Spaces, Silence, and the Pause // Aesthetics of Gentrification: Seductive Spaces and Exclusive Communities in the Neoliberal City / Ed. by C. Lindner, G.F. Sandoval. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. Pp. 247–267. DOI: https://doi.org/10.5117/9789463722032_ch13
5. Gunko M., Batunova E., Medvedev A. Rethinking urban form in a shrinking Arctic city // Espace populations sociétés [Space populations societies]. 2021. DOI: <https://doi.org/10.4000/eps.10630>
6. Гунько М.С., Еременко Ю.А., Батунова Е.Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России. 2020. Т. 29. № 3. С. 121–141. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>
7. Шабает Ю.П., Поляков Ю.В., Шарапов В.Э. Символические пространства современного российского северного города в контексте городской антропологии // Человек. Культура. Образование. 2021. № 3 (41). С. 124–166. DOI: <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-124>
8. Шабает Ю.П., Садохин А.П., Кузнецова А.Ю. Российская идентичность Русского Севера: история и проблемная современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 1. С. 127–140. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.112>
9. С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма: сб. статей / Под ред. Е. Омельченко, Х. Пилкингтон. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета, 2012. 320 с.
10. Литвинова С.А., Кузинец Е.Н., Гладченко Е.А. Низовая организация досуга в заброшенных зданиях Воркуты // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 135–146. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp512020135-146>
11. Ткаченко М.Р. Трансформация социальной идентичности населения республики Коми (на примере Ижемского района): дисс на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Санкт-Петербург, 2018. 179 с.
12. Ткаченко М.Р. Идентичность жителей арктического моногорода (на материалах полевых исследований города Воркуты) // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе: сб. статей. Сыктывкар: Изд-во: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2020. С. 179–181.
13. van den Berg L., Drewett R., Klaassen L.H. et al. A study of growth and decline / Urban Europe. Vol. 1. Pergamon press, 1982. 162 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2013-0-03056-3>
14. Berry B.J. L. Urbanization and Counter-Urbanization. London: Sage, 1976. 329 p.
15. Champion A.G. A changing demographic regime and evolving poly centric urban regions: Consequences for the size, composition and distribution of city populations // Urban studies. 2001. Vol. 38. Iss. 4. Pp. 657–677. DOI: <https://doi.org/10.1080/00420980120035277>
16. Reckien D., Martinez-Fernandez C. Why do cities shrink? // European Planning Studies. 2011. Vol. 19. Iss. 8. Pp. 1375–1397. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2011.593333>
17. Wiechmann T., Pallagst K.M. Urban shrinkage in Germany and the USA: A comparison of transformation patterns and local strategies // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. Vol. 36. Iss. 2. Pp. 261–280. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2011.01095.x>

18. Mykhnenko V., Turok I. East European cities—patterns of growth and decline, 1960–2005 // *International Planning Studies*. 2008. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 311–342. DOI: <https://doi.org/10.1080/13563470802518958>
19. Beauregard R.A. What theorists do // *Urban Geography*. 2012. Vol. 33. Iss. 4. Pp. 474–487. DOI: <https://doi.org/10.2747/0272-3638.33.4.474>
20. Schilling J.M., Mallach A. Cities in transition: A guide for practicing planners. PAS Report 568. American Planning Association, 2012. 168 p.
21. Allam Z., Newman P. Economically incentivising smart urban regeneration. Case study of Port Louis, Mauritius // *Smart Cities*. 2018. Vol. 1. Iss. 1. Pp. 53–74. DOI: <https://doi.org/10.3390/smartcities1010004>
22. Harvey D. *The Limits to Capital*. Oxford: Blackwell, 1982. 478 p.
23. Harvey D. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London: Verso Books, 2006. 156 p.
24. Зубаревич Н.В. Проблема социального неравенства регионов: возможно ли реальное смягчение? // *Управленческое консультирование*. 2009. № 3. С. 154–169.
25. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. Москва: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
26. Massey D.B. *Spatial Divisions of Labour: Social Structures and the Geography of Production*. New York: Macmillan, 1984. 394 p.
27. Scott A.J. *Metropolis: From the Division of Labour to Urban Form*. Berkeley: University of California Press, 1988. 260 p.
28. Dunford M. Theorizing regional economic performance and the changing territorial division of labour // *Regional Studies*. 2003. Vol. 37. Iss. 8. Pp. 829–854. DOI: <https://doi.org/10.1080/0034340032000128758>
29. Меерович М.Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2018. № 1. С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-53-65>
30. Lesthaeghe R., van de Kaa D. Twee Demografische Transitie? // *Bevolking: Groei en Krimp. Mens en Maatschappij* / Ed. by D.J. van de Kaa, R. Lesthaeghe. Deventer: Van Loghum Slaterus, 1986. Pp. 9–24.
31. Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А., Фаддеев А.М. Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке Республики Коми // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2014. № 2. С. 55–61.
32. Haase A., Rink D., Grossmann K. et al. Conceptualizing urban shrinkage // *Environment and Planning A*. 2014. Vol. 46. No. 7. Pp. 1519–1534. DOI: <https://doi.org/10.1068/a46269>
33. Haase A., Bernt M., Grossmann K. et al. Varieties of shrinkage in European cities // *European Urban and Regional Studies*. 2016. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 86–102. DOI: <https://doi.org/10.1177/0969776413481985>
34. Bernt M. The Limits of Shrinkage: Conceptual Pitfalls and Alternatives in the Discussion of Urban Population Loss // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2016. Vol. 40. Iss. 2. Pp. 441–450. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12289>
35. Hollander J.B. *A Research Agenda for Shrinking Cities*. New York: Edward Elgar Publishing, 2018. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781785366338.00011>
36. Rink D., Haase A., Bernt M. Specification of working model. WP1 research report for the EU 7FP project Shrink Smart — Governance of Shrinkage within a European Context (No. 225193). Leipzig, Helmholtz Centre for Environmental Research — UFZ, unpublished typescript, 43 p.
37. Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. Place-identity: Physical world socialization of the self // *Journal of Environmental Psychology*, 1983. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 57–83. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0272-4944\(83\)80021-8](https://doi.org/10.1016/s0272-4944(83)80021-8)
38. Twigger-Ross C.L., Uzzell D.L. Place and identity processes // *Journal of Environmental Psychology*. 1996. Vol. 16. Iss. 3. Pp. 205–220. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>
39. Lewins A., Silver C. *Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide*. London: Sage, 2007. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473906907>

40. Ненько А.Е., Недосека Е.В. Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1. С. 217–251. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>

References

1. Razumova I.A. *Cultural Landscapes of the Kola North: Cities near the "Big Water" and Khibiny Mountains. Social-Anthropological Essays*. Saint Petersburg, GAMAS Publ., 2009, 160 p. (In Russ.)
2. Shabaev Yu.P., Zherebtsov I.L., Labunova O.V. Cultural Evolution of the Polar Town: From the Town-Concentration Camp to the Ghost Town (Part 1). *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*, 2018, no. 2 (34), pp. 78–88.
3. Averkieva K., Efremova V. Concepts and Causes of Urban Population Loss in the Post-Soviet Period. In: *Postsocialist Shrinking Cities*. Routledge, 2022, pp. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780367815011-13>
4. Amato R. On Empty Spaces, Silence, and the Pause. In: *Aesthetics of Gentrification: Seductive Spaces and Exclusive Communities in the Neoliberal City*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2021, pp. 247–267. DOI: https://doi.org/10.5117/9789463722032_ch13
5. Gunko M., Batunova E., Medvedev A. Rethinking Urban Form in a Shrinking Arctic City. *Space Populations Societies*, 2021. DOI: <https://doi.org/10.4000/eps.10630>
6. Gunko M.S., Eremenko Yu.A., Batunova E.Yu. Planning Strategies in the Context of Urban Shrinkage in Russia: Evidence from Small and Medium-Sized Cities. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2020, vol. 29, no. 3, pp. 121–141. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>
7. Shabaev Yu.P., Poliakov Yu.V., Sharapov V.E. Symbolic Spaces of a Modern Russian Northern City in the Context of Urban Anthropology. *Human. Culture. Education*, 2021, no. 3 (41), Spp. 124–166. DOI: <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-124>
8. Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Kuznetsova A.Yu. Russian Identity of the Russian North: History and Modernity Problem. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2016, no. 1, pp. 127–140. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.112>
9. Omel'chenko E., Pilkington X., eds. *Where the Motherland Begins: Youth in the Labyrinths of Patriotism. Collection of Articles*. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University Publ., 2012, 320 p. (In Russ.)
10. Litvinova S.A., Kuziner E.N., Gladchenko E.A. Grassroot Organization of Leisure in Abandoned Buildings in Vorkuta. *Urban Studies and Practices*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 135–146. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp512020135-146>
11. Tkachenko M.R. *Transformation of the Social Identity of the Population of the Komi Republic (On the Example of the Izhemsky District): Cand. Sociolog. Sci. Diss.* Saint Petersburg, 2018, 179 p. (In Russ.)
12. Tkachenko M.R. The Identity of the Inhabitants of the Arctic Monotown (Based on the Materials of Field Research of the City of Vorkuta). In: *Management of Socio-Economic, Socio-Political and Socio-Cultural Processes in the Northern Region: Collection of Articles*. Syktyvkar, Komi Republican Academy of State Service and Administration Publ., 2020, pp. 179–181. (In Russ.)
13. van den Berg L., Drewett R., Klaassen L.H. et al. *A Study of Growth and Decline: Urban Europe. Vol. 1*. Pergamon press, 1982, 162 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2013-0-03056-3>
14. Berry B.J. L. *Urbanization and Counter-Urbanization*. London, Sage, 1976, 329 p.
15. Champion A.G. A Changing Demographic Regime and Evolving Poly Centric Urban Regions: Consequences for the Size, Composition and Distribution of City Populations. *Urban Studies*, 2001, vol. 38, iss. 4, pp. 657–677. DOI: <https://doi.org/10.1080/00420980120035277>
16. Reckien D., Martinez-Fernandez C. Why Do Cities Shrink? *European Planning Studies*, 2011, vol. 19, iss. 8, pp. 1375–1397. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2011.593333>
17. Wiechmann T., Pallagst K.M. Urban Shrinkage in Germany and the USA: A Comparison of Transformation Patterns and Local Strategies. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2012, vol. 36, iss. 2, pp. 261–280. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2011.01095.x>
18. Mykhnenko V., Turok I. East European Cities — Patterns of Growth and Decline, 1960–2005. *International Planning Studies*, 2008, vol. 13, iss. 4, pp. 311–342. DOI: <https://doi.org/10.1080/13563470802518958>
19. Beauregard R.A. What Theorists Do. *Urban Geography*, 2012, vol. 33, iss. 4, pp. 474–487. DOI: <https://doi.org/10.2747/0272-3638.33.4.474>

20. Schilling J.M., Mallach A. *Cities in Transition: A Guide for Practicing Planners. PAS Report 568*. American Planning Association, 2012, 168 p.
21. Allam Z., Newman P. Economically Incentivising Smart Urban Regeneration. Case Study of Port Louis, Mauritius. *Smart Cities*, 2018, vol. 1, iss. 1, pp. 53–74. DOI: <https://doi.org/10.3390/smartcities1010004>
22. Harvey D. *The Limits to Capital*. Oxford, Blackwell, 1982. 478 p.
23. Harvey D. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London, Verso Books, 2006. 156 p.
24. Zubarevich N.V. The Problem of Regional Social Inequality: Is Real Mitigation Possible? *Administrative Consulting*, 2009, no. 3, pp. 154–169.
25. Zubarevich N.V. *Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization*. Moscow, Independent Institute for Social Policy Publ., 2010, 160 p. (In Russ.)
26. Massey D.B. *Spatial Divisions of Labour: Social Structures and the Geography of Production*. New York, Macmillan, 1984, 394 p.
27. Scott A.J. *Metropolis: From the Division of Labour to Urban Form*. Berkeley, University of California Press, 1988, 260 p.
28. Dunford M. Theorizing Regional Economic Performance and the Changing Territorial Division of Labour. *Regional Studies*, 2003, vol. 37, iss. 8, pp. 829–854. DOI: <https://doi.org/10.1080/0034340032000128758>
29. Meerovich M.G. Soviet Monoprofile Cities: The Story Behind and Key Features. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2018, no. 1, pp. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-53-65>
30. Lesthaeghe R., van de Kaa D. Twee Demografische Transitities? In: *Bevolking: Groei en Krimp. Mens en Maatschappij*. Deventer, Van Loghum Slaterus, 1986, pp. 9–24.
31. Antonov E.V., Denisov E.A., Efremova V.A., Faddeev A.M. Actual Problems of Urban Shrinkage Development in the North-West of the Komi Republic. *Lomonosov Geography Journal*, 2014, no. 2, pp. 55–61.
32. Haase A., Rink D., Grossmann K. et al. Conceptualizing Urban Shrinkage. *Environment and Planning A*, 2014, vol. 46, no. 7, pp. 1519–1534. DOI: <https://doi.org/10.1068/a46269>
33. Haase A., Bernt M., Grossmann K. et al. Varieties of Shrinkage in European Cities. *European Urban and Regional Studies*, 2016, vol. 23, iss. 1, pp. 86–102. DOI: <https://doi.org/10.1177/0969776413481985>
34. Bernt M. The Limits of Shrinkage: Conceptual Pitfalls and Alternatives in the Discussion of Urban Population Loss. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2016, vol. 40, iss. 2, pp. 441–450. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12289>
35. Hollander J.B. *A Research Agenda for Shrinking Cities*. New York, Edward Elgar Publishing, 2018, 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781785366338.00011>
36. Rink D., Haase A., Bernt M. *Specification of Working Model. WP1 Research Report for the EU 7FP Project Shrink Smart — Governance of Shrinkage within a European Context (No. 225193)*. Leipzig, Helmholtz Centre for Environmental Research — UFZ, 43 p.
37. Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. Place-Identity: Physical World Socialization of the Self. *Journal of Environmental Psychology*, 1983, vol. 3, iss. 1, pp. 57–83. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0272-4944\(83\)80021-8](https://doi.org/10.1016/s0272-4944(83)80021-8)
38. Twigger-Ross C.L., Uzzell D.L. Place and Identity Processes. *Journal of Environmental Psychology*, 1996, vol. 16, iss. 3, pp. 205–220. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>
39. Lewins A., Silver C. *Using Qualitative Software: A Step-by-Step Guide*. London, Sage, 2007, 304 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473906907>
40. Nenko A.E., Nedoseka E.V. Urban Environment Values in Discourse of Online Neighboring Communities. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2022, vol. 25, no. 1, pp. 217–251. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024;
принята к публикации 09.04.2024

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов